

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

В.Д. Альперович

МЕТАФОРЫ В ИНТЕРПРЕТАТИВНЫХ РЕПЕРТУАРАХ ОБРАЗОВ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» ЛЮДЕЙ

Аннотация. В данной статье затронута проблема дифференциации партнёров по общению в качестве «своих» и «чужих» людей. Обсуждается роль метафор в восприятии других людей как «своих» и «чужих» и критерии их категоризации в общении и взаимодействии. Предметом нашего эмпирического исследования являются взаимосвязи метафор «своих» и «чужих» людей и интерпретативных репертуаров восприятия других людей (диспозиционного, поведенческого, нормативного, мифологического и т.п.) как «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». На основе когнитивной концепции метафоры в психологии разработан классификатор метафор «своих» и «чужих» людей, включающий антропоморфные, артефактные, абстрактные, зооморфные, природоморфные и «магические» метафоры. Показано, что метафоры разных видов составляют разные интерпретативные репертуары образов «своих» и «чужих» людей. Антропоморфные метафоры являются средствами диспозиционного репертуара, метафоры-атрибуты и метафоры сходства и различия служат средствами как диспозиционного, так и поведенческого репертуаров. Артефактные метафоры выступают средствами нормативного репертуара. Зооморфные метафоры и природоморфные метафоры составляют часть мифологического репертуара. «Магические» метафоры являются инструментами фаталистического репертуара.

Ключевые слова: метафора, «свой», «чужой», Враг, Друг, интерпретативный репертуар, диспозиционный репертуар, поведенческий репертуар, нормативный репертуар, мифологический репертуар.

Abstract. The problem of differentiation between communicative partners as «friends» and «aliens» is touched by the author in this article. Alperovich discusses the role of metaphors in perception of the others as «friends» and «aliens» as well as criteria for their categorization in communication and interaction. Interconnections of metaphors of «friends» and of «aliens» with interpretative repertoires (dispositive, conative, normative, mythologic etc.) of perception of the others as «enemies» and «friends» constitute the subject of the present research. The author elaborates a classification of metaphors of «friends» and of «aliens» based on the cognitive conception of metaphor in psychology including antropomorphical metaphors, artifact metaphors, abstract metaphors, zoomorphic metaphors, naturomorphic metaphors and magic metaphors. The author has discovered that metaphors of different types form different interpretative repertoires of images of «friends» and of «aliens». Antropomorphical metaphors are means of dispositive repertoire. Artifact metaphors are means of normative repertoire. Zoomorphic metaphors and naturomorphic metaphors are means of mythologic repertoire. «Magic» metaphors are means of fatalistic repertoire.

Key words: dispositive repertoire, interpretative repertoire, Friend, Enemy, aliens, friends, metaphor, conative repertoire, normative repertoire, mythologic repertoire.

Взаимодействие личности с разными социальными объектами и другими людьми основано, в частности, на их отнесении к той или иной группе, т.е. категоризации социального мира. Она осуществляется посредством социального сравнения, оценивания, конструк-

тов, например, оппозиций «Мы»-«Они», «свои»-«чужие», «Друг»-«Враг».

Актуальность проблематики создания и динамики образов другого человека, в т.ч. в качестве «своего» и «чужого», Врага и Друга, определяется ситуацией обострения социально-политических,

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных МК-5294.2016.6, тема «Метафоры «своего» и «чужого» как предиктор «языка вражды» и дискриминации» (внутренний номер 213.01-10/2016-10п).

межэтнических, межкультурных конфликтов, приобретающих формат боевых действий, в разных странах мира, например, на Украине, в Сирии.

В этой связи, концептам «свой» и «чужой» посвящены работы учёных-гуманитариев (философов, социологов, лингвистов, культурологов, психологов). Многие исследователи (Л.И. Гришаева, В.Е. Каган, Т.Ф. Камышникова, Г.И. Козырев, А.М. Нехорошева и др.) [3; 4; 5; 7; 10; 13; 16] согласны с тем, что оппозиция «свой»-«чужой» приобретает статус когнитивной рамки восприятия. Она становится когнитивным фильтром, осуществляющим селекцию знаний о неопределённом социальном мире, его интерпретацию.

Авторы утверждают, что оппозиции «свой»-«чужой», «Мы-Они», «Друг-Враг» перманентно играют роль в процессах самоопределения личности, конструирования и поддержания системы её идентичностей, в межличностных и межгрупповых отношениях. В фокусе внимания исследователей остаются межэтнические конфликты [20] и иммиграционные процессы как общественные явления, связанные с актуализацией диалога «своих» и «чужих». В.Е. Каган, Т.Ф. Камышникова, А.У. Качмазова [4; 5; 6] отмечают, что этнические стереотипы и «лейблы», на которых основана этническая идентичность, функционируют посредством жёсткого деления окружающих на «своих» и «чужих». Так, А.У. Качмазова и Т.Ю. Тамерьян анализируют когнитивные механизмы этнических стереотипов коренных жителей относительно поселенцев и иммигрантов на примере русских, американцев и осетин [6]. Они показывают, что клишированные речевые выражения включают негативно маркированные оценки «чужих»-иммигрантов, атрибуцию им негативных общественных явлений (пьянства, преступности и т.д.). Этнические ярлыки базируются на различиях внешнего облика, имён собственных, религиозной принадлежности. Этническим «чужим» приписывается опасность, негативные свойства (наглость, грубость, более низкий культурный уровень, необузданность), зооморфные («звериные») черты. Д.В. Смирнова, Е.В. Хлыщева, Е. Cavicchiolo затрагивает проблему адаптации иммигрантов-«гастарбайтеров». Авторы отмечают, что образ «гастарбайтера» как «чужого» стереотипизируется и схематизируется, становясь лейблом, социальным «ярлыком», навешиваемым не столько на отдельного индивида, сколько на группу. Однако данные субъекты, изначально воспринимаемые коренным населением как «чужие», при ассимиляции становятся отчасти «своими» [17; 18; 21].

Персональные и групповые образы «своих» людей и «чужих» людей насыщены определёнными

своими свойствами и функциями в общении, характеристиками взаимоотношений. «Свой» человек рассматривается как безопасный субъект, член данной группы, знакомый, демонстрирующий привычное поведение, обладающий позитивными чертами. По мнению А.В. Буданова, культурный и цивилизационный уровень «чужих» людей оценивается ниже, чем собственный, вплоть до поиска «варварских» черт [1]. В.Е. Каган отмечает, что превращение другого человека в «чужого» происходит одновременно с приписыванием его поведению «угрозы», «опасности» для «своего». С точки зрения исследователя, на образ «врага» проецируют собственные тревоги и страхи, гиперболизируют его негативные свойства и способности, обращаясь к понятиям «колдовство», «магия» и «зомбирование» [4].

Многие авторы обсуждают критерии категоризации партнёров по общению в качестве «своих» и «чужих», когнитивные признаки их дифференциации. Такими критериями и признаками для авторов, чьи работы упомянуты в данной статье, выступают:

- родство (семейные отношения);
- длительное проживание на одной территории / на разных территориях;
- наличие альтруистических взаимоотношений, включающих обмен товарами, услугами и информацией, эмоциональную поддержку / наличие враждебных отношений, включающих агрессию, зависть, обман, конкуренцию;
- нормативные привилегии данной социальной группы;
- возрастные и поколенческие особенности;
- ценностное сходство и различия;
- языковая общность или различия;
- гендерная, религиозная и этническая принадлежность;
- привычное, социально желательное поведение, соответствующее нормам / социально нежелательное поведение, девиация;
- общие или различные культурные практики.

Так, Ю.Э. Ширков указывает, что параметрами сравнения «своих» и «чужих» являются их нравственные (честность, искренность, порядочность/нечестность, лживость, доброта/злость, воспитанность/хамство, верность/предательство, щедрость/жадность), личностные (ум, умения/необразованность, бескультурье, тупость, зависимость от мнения окружающих, оптимизм, чувство юмора/пессимизм, общительность/навязчивость, занудство/высокомерие, снобизм, заносчивость, ответственность/безответственность), внешние (приличие, интеллигентность, работа, дело, интел-

рессы, весёлость, настроение, обладание (взглядами, друзьями, вещами), впечатление, производимое внешностью), статусные (высота положения, место в иерархии, престижность, профессионализм, компетентность, активность, предприимчивость/инертность, зависимость, успешность, обеспеченность, семейный статус), ценностные (жизненная позиция, отношение к другим людям, политика, национальный/европейский образ жизни, работа, деньги, мир, искусство, отдых, любовь) свойства [19]. Н.И. Колодина подчёркивает, что распознавание «своего» и «чужого» человека связано с оценкой его поведенческого комплекса как опасного/безопасного, известного/неизвестного, «нормального»/«ненормального» и эффективного/неэффективного для данного субъекта и группы [8]. В.Н. Пенькова проанализировала критерии дифференциации «своих» и «чужих» в детско-юношеском возрасте [14]. Автор утверждает, что, по мере расширения социального пространства взаимодействия подростков и юношей, их представления о «своих» и «чужих» становятся более социально обусловленными. По мнению В.Н. Пеньковой, «в младшем подростковом возрасте (11-12 лет) преобладают критерии родства, степени знакомства и права собственности на вещи; в старшем подростковом возрасте (13-14 лет) доминируют критерии близости межличностных отношений и принятия в группу сверстников; в раннем юношеском возрасте (15-16 лет) основными критериями становятся: сходство-отличие по интересам, взглядам и мировосприятию; принятие-отвержение в обществе; личностные особенности; объективное знание о человеке и наличие взаимопонимания» [14, с. 107]. В.Н. Пенькова отмечает, что подростки и юноши по отношению к «своим» проявляют любовь, симпатию и уважение, доверяют им, ненавидят и не уважают «чужих», не принимают их, не доверяют им. А.Д. Вислова так же упоминает, что на формирование критерия «свой-чужой» у детей в контексте внутрисемейного взаимодействия влияет фактор доверия в межличностных отношениях детей и родителей [2]. Е.В. Хлыщева выделяет такой критерий дифференциации «своих» и «чужих», как практики потребительского поведения [18].

Можно отметить, что категоризация партнёров по общению в качестве «своих» и «чужих» опирается как на стабильные, так и на динамические критерии. Таким образом, окружающие наделяются статусом «своих» и «чужих», в зависимости от социально-психологического контекста взаимодействия субъекта с ними.

В настоящий период имагология (знание о создании и интерпретации образа другого человека),

в частности, конструирование оппозиции «свой»-«чужой» в массовом и индивидуальном сознании, становятся сферой междисциплинарных исследований. В когнитивной психологии и когнитивной лингвистике изучаются механизмы, формирующие содержание конструкторов «свой»-«чужой», и их экспликация в речевом поведении индивида (Л.И. Гришаева, О.А. Косова, А.М. Нехорошева) [3; 9; 13]. Так, А.М. Нехорошева показывает, что данными механизмами становятся детализация, локализация и позиционирование. Детализация предполагает надделение партнёров по общению в статусе «своих» и «чужих» различными свойствами. Под локализацией понимается приведение образов «своих» и «чужих» в соответствие с установками и представлениями определённой аудитории, например, в политическом и рекламном дискурсе. Позиционирование – это указание на место объекта среди других объектов, его сходство и различия с другими объектами, также актуальное в политическом и рекламном дискурсе [13]. О.А. Косова отмечает, что стереотипы речевого поведения (например, пословицы и поговорки), базирующиеся на бинарной оппозиции «свой-чужой», становятся инструментом восприятия социального мира и фактором, определяющим поведение индивида относительно других людей [9].

Частью речевого поведения индивида являются метафоры. Метафора как лингвистическое понятие представляет собой литературный приём, фигуру речи, в которой название объекта одного класса (слово или словосочетание) используется для обозначения объекта другого класса.

Метафора – это синкретическое образование, в котором объединены когнитивная и эмоциональная составляющие относительно другого субъекта или объекта. По мнению многих исследователей, метафоры оценивают и осмысливают значимые общественные явления. Они в доступной и наглядной форме отображают артефакты и процессы, например, политические события, политических лидеров, военные конфликты, семейные ценности, рекламную продукцию и т.п. [21; 22; 23], и других людей, в частности, как «друзей» и «врагов», «своих» и «чужих». Так, с точки зрения А.И. Полуяновой, метафоры являются средством воздействия на сознание индивида, в частности, инструментом преобразования его политической картины мира. Автор проанализировала метафоры в политическом дискурсе, формирующие образ «чужого». А.И. Полуянова обнаружила, что данные метафоры связаны с такими сферами социального взаимодействия, как «Спорт и игра»; «Человеческий организм»; «Война»; «Театр»; «Путешествие»; «Мир животных»; «Дом»; «Крими-

нальный мир»; «Монархия»; «Болезнь»; «Мир неживой природы» [15]. А.А. Матвеева отмечает, что в политических метафорах личности представители «чужого» сообщества обретают зооморфные или древоморфные черты [12]. А.У. Качмазова и Т.Ю. Тамерьян показывают, что метафоры отражают статус субъекта (например, «растаможённый» - местный житель, «нерастаможённый» - иммигрант) [6]. В исследовании E. Cavicchiolo, F. Alivernini, S. Manganelli метафоры итальянских студентов относительно иммигрантов базируются как на оппозиции «Мы-Они», так и на установках толерантности и равенства [21]. В исследовании E. Pinelli проанализирована роль метафор в описании событий террористической атаки в Беслане, представленной в дискурсе СМИ. Автор утверждает, что метафоры, употребляемые в газетах, интерпретируют и структурируют данные события [23].

Таким образом, в психологии метафоры становятся когнитивным инструментом, одним из способов осмысления, интерпретации социальных явлений, себя и других людей. По мнению Н.А. Куткового, метафоры составляют часть т.н. интерпретативных репертуаров социальных объектов, представляющих собой способ описания некоторого социального явления [11]. В описаниях ситуаций респондентами автор выделяет следующие интерпретативные репертуары:

- 1) диспозиционный репертуар, где объект описания – люди и их действия; сделан акцент на личностных диспозициях людей, контакте с объектом и дистанцировании от него;
- 2) поведенческий репертуар, где объект описания – люди и их действия; сделан акцент на поведении людей, также на контакте с объектом и дистанцировании от него);
- 3) рационализирующий репертуар, где объект описания – обстоятельства; сделан акцент на рациональности происходящего;
- 4) фаталистический репертуар, где объект описания – обстоятельства; сделан акцент на случайности происходящего, судьбе;
- 5) инцидентный репертуар, где объект описания – процессы, способы действия, то, как происходит событие; акцент сделан на чувствах, мыслях и действиях субъекта;
- 6) нормативный репертуар, где объект описания – социальные нормы, традиции и правила; акцент сделан на соответствии ситуации групповым нормам;
- 7) мифологический репертуар, где объект описания – социальные нормы, традиции и правила; сделан акцент на противопоставлении ситуации групповым нормам и стереотипам;

8) активный репертуар, где социальные ситуации создаются субъектом.

Понятие «интерпретативный репертуар» означает, что метафоры используются людьми как вербальные инструменты интеграции и организации опыта взаимодействия с партнёрами по общению, осмысления, интерпретации различных социальных ситуаций, фиксации основных характеристик социальных объектов, своей и чужой группы, других людей, межличностных отношений.

Мы предполагаем, что метафоры разных видов составляют разные интерпретативные репертуары. Виды метафор, выделенные лингвистами, связаны с различными смыслами и значениями, которые им приписываются обществом. В антропоморфных метафорах и метафорах организма объект сравнивается с каким-то человеком, организмом, частью тела. В социальных метафорах объект описывается в терминах какой-либо сферы жизнедеятельности общества (политики, экономики, культуры, религии и т.п.). В архитектурных метафорах объект сравнивается с сооружением, зданием, в транспортных метафорах – с транспортным средством, в артефактных метафорах – с созданными человеком вещами, предметами. С нашей точки зрения, данные метафоры подчёркивают возможность прогрессивного или регрессивного развития объекта, его процессуальность, сложность, системность, управляемость, его функции, этапы его активности, предполагают, что существуют закономерности его жизнедеятельности, рациональные механизмы его регуляции, воздействие этого объекта на другие объекты. В социальных, архитектурных и транспортных метафорах объект становится производением человеческих рук, объектом деятельности человека. С нашей точки зрения, данные метафоры, как и антропоморфные метафоры, носят аналитический характер, объект чётко определяется, осмысливается, структурируется. В зооморфных метафорах объект сравнивается с каким-либо животным (зайцем, волком, медведем, лисой и т.д.). С одной стороны, у различных животных подчёркиваются такие качества, как «сила», «скорость», с другой стороны, «агрессивность», «хитрость», «трусость», «слабость», «инстинкты», «опасность» и т.д. В аква-метафорах, природоморфных метафорах и зооморфных метафорах объект сравнивается с природными явлениями, которые не созданы человеком, могут быть стихийными, хаотичными, неуправляемыми, доминировать над субъектом. Это окружающая среда, не имеющая определённых границ. Абстрактные метафоры, масштабные метафоры и пространственно-временные метафоры подчёркивают, что объект может быть рациональ-

но познаваемым, но он не всегда является управляемым, созданным человеком. В «магических» метафорах объект связан со сверхъестественными силами. Метафоры качества и значимости показывают роль объекта в жизни человека.

Следовательно, с нашей точки зрения, метафоры «своих» и «чужих» людей разных видов должны интегрировать различные образы «своих» и «чужих», Врага-Друга.

В нашем эмпирическом исследовании проблемой выступали когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о Враге, их метафорическая и нарративная основа. Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы определить влияние метафор «своего» и «чужого» человека и представлений о Враге и Друге на особенности принятия личностью дискриминационных практик по отношению к другим людям. В сборе и обработке эмпирических данных участвовала студентка М.А. Куковская под руководством В.Д. Альперович.

Посредством авторской методики «Метафоры “своих” и “чужих” людей», разработанной на основе метода «Незаконченные предложения», мы выявили метафоры «своих» и «чужих» людей, Врага и Друга респондентов и создали их классификатор (см. Приложение). Все метафорические и неметафорические ответы респондентов о «своих» и «чужих» людях, «врагах» и «друзьях» мы разделили на следующие группы:

1. Антропоморфные позитивные метафоры (ролевые метафоры) (например, «родственники», «семья», «близкие люди»);
2. Антропоморфные негативные метафоры (ролевые метафоры) (например, «чёрная мафия», «чужие», «противник», «предатель», «сектант», «террорист»);
3. Антропоморфные нейтральные метафоры (ролевые метафоры) (например, «прохожий», «одноклассники», «одногоруппники», «соседи», «учителя», «преподаватели», «подростки»);
4. Метафоры-атрибуты позитивные (например, «люди, которым доверяю», «весельчаки», «тёплые», «нужные», «приятные люди», «общительные»);
5. Метафоры-атрибуты негативные (например, «неискренние», «злые», «тот, кто хочет причинить вред», «агрессивные», «нечестные», «обманщики», «бездельники», «пьяница», «наркоман»);
6. Метафоры-атрибуты нейтральные (например, «дышат», «умеют разговаривать», «моего возраста», «те, о которых не знаю», «малознакомые», «неизвестные», «посторонние»);

7. Метафоры сходства (например, «родственные души», «похожие на меня», «из того же теста», «общие интересы, жизнь, модели поведения»);
8. Метафоры различия (например, «не похож на меня», «те, кто говорит на другом языке», «люди с другими ценностными ориентациями», «иностранцы»);
9. Метафоры абстрактные позитивные (например, «добро», «счастье»);
10. Метафоры абстрактные негативные (например, «зло», «боль»);
11. Метафоры – прецедентные имена позитивные (в т.ч. положительные сказочные и реальные персонажи) (например, «Мишка Винни-Пух»);
12. Метафоры – прецедентные имена негативные (в т.ч. отрицательные сказочные и реальные персонажи) (например, «Троянский конь»);
13. Метафоры – прецедентные имена амбивалентные (персонажи, имеющие различные трактовки) (например, «Люди, похожие на героев Достоевского», «Люди, похожие на богему XIX века»);
14. Зооморфные позитивные метафоры (домашние животные, детёныши) (например, «пушистые, добрые зверюшки», «преданные собаки», «добрые кошки»);
15. Зооморфные негативные метафоры (хищные звери) (например, «непредсказуемые тигры», «злые собаки», «змеи», «акулы»), с акцентом на агрессии животного;
16. Зооморфные нейтральные и амбивалентные метафоры (например, «медведи», «птицы», «бобры», «муравьи»);
17. Артефактные позитивные метафоры (полезные предметы, связанные с позитивными эмоциями) (например, «тёплый плед», «цветные карандаши», «мягкое одеяло», «спасательный круг»);
18. Артефактные негативные метафоры (вредоносные предметы или предметы, связанные с негативными эмоциями) (например, «колючка», «заноза», «иголки», «наждак», «навоз»);
19. Артефакты нейтральные и амбивалентные (например, «книги», «элементарные частицы с разными зарядами», «загадка», «монеты»);
20. Природоморфные позитивные метафоры (природные объекты и явления, связанные с позитивными эмоциями) (например, «лучи солнца», «столбы света», «свежие травы», «цветы в доме»);
21. Природоморфные негативные метафоры (природные объекты и явления, связанные с негативными эмоциями, вредоносные) (например, «грозовое небо», «ледяной ветер», «тучи»);

22. Природоморфные нейтральные и амбивалентные метафоры (например, «тени», «камни», «далёкая планета»);
23. Метафоры организма (например, «часть меня», «надёжное, твёрдое плечо»);
24. «Магические» метафоры (например, «ангел», «заботливый волшебник»);
25. Метафоры качества и значимости (например, «образец общения»).

Также мы классифицировали метафоры ролевого диапазона «своих» и «чужих» людей:

- 1) метафоры позитивной роли:
  - метафоры подчинения (например, «подушка»);
  - метафоры равноправия (например, «радуга», «весёлая компания»);
  - метафоры доминирования (например, «учитель»);
- 2) метафоры нейтральной роли и отсутствия роли;
- 3) метафоры негативной роли:
  - метафоры подчинения (например, «пешка»);
  - метафоры равноправия (например, «девторгонист»);
  - метафоры доминирования (например, «фрустрирующий элемент», «скрытая угроза»).

Мы классифицировали также метафоры взаимодействия «своих» и «чужих» людей:

- 1) метафоры кооперативного взаимодействия:
  - метафоры формального взаимодействия (например, «руководители и подчиненные», «партнёры по делу»);
  - метафоры игрового взаимодействия (например, «игроки», «игра в теннис»);
  - метафоры устойчивого доверительного взаимодействия (семейные, супружеские, детско-родительские, любовные, дружественные отношения) («родня», «близкие люди», «друзья»);
- 2) метафоры отсутствия взаимодействия;
- 3) метафоры конкурентного, враждебного взаимодействия:
  - метафоры формального взаимодействия (например, «отношения разных государств», «с осторожностью»);
  - метафоры игрового взаимодействия (например, «игра в кошки-мышки», «игра с огнём», «танец с саблями»);

- метафоры конфликтного, враждебного взаимодействия (например, «как кошка с собакой», «ветер с тучами», «буря», «цунами»).

С нашей точки зрения, в рамках модели интерпретативных репертуаров Н.А. Куткового, антропоморфные метафоры являются средствами диспозиционного репертуара. Метафоры-атрибуты и метафоры сходства и различия являются средствами как диспозиционного, так и поведенческого репертуаров. В метафорах данных видов отражаются позитивные и негативные личностные свойства, социальные статусы и поведенческие характеристики, приписываемые «своим» и «чужим» людям, «друзьям» и «врагам». Эти метафоры поддерживают классификацию партнёров по общению по чётким критериям, указывают в большей степени на различия «своих» и «чужих», Врага и Друга. Артефактные метафоры выступают средствами нормативного репертуара. Предметы, с которыми сравниваются «свои» и «чужие», «друзья» и «враги», наделены определёнными значениями и функционируют только в данном обществе, они социальные, но не имеют свойств человека. Зооморфные метафоры и природоморфные метафоры составляют часть мифологического репертуара. Они отражают «животные» черты, которые приписываются «своим» и «чужим», вплоть до социальных девиаций. «Магические» метафоры являются инструментами фаталистического репертуара: в них «свои» и «чужие» люди, друзья и враги наделяются сверхъестественными свойствами и возможностями. Артефактные, зооморфные, природоморфные и «магические» метафоры отражают неопределённость критериев классификации «своих» и «чужих», динамику их образов, их зависимость от социально-психологического контекста общения.

В нашем эмпирическом исследовании построена эмпирическая модель метафор «своих» и «чужих» людей как одного из когнитивных предикторов дискриминации, в связи с принятием повседневных дискриминационных практик. Установлено, что принятие дискриминационных характеристик партнёров по общению, значимость сходства и различий со «своими» и «чужими» людьми поляризует категоризацию других людей, восприятие друзей и врагов, в большей степени усиливает атрибуцию негативных качеств врагам, чем позитивных качеств друзьям.

Список литературы:

1. Буданов А.В. Варваризация в пространстве взаимодействия «свои»-«чужие» // *Цивилизация и варварство*. 2014. № 3. С. 353-373.
2. Вислова А.Д. Дифференциация людей по принципу «свой-чужой» в процессе развития личности // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки*. 2008. Т. 2. № 1. С. 34-43.

3. Гришаева Л.И. «Свой» и «Чужой»: осмысляя заново уже полученный результат // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 13. Воронеж, 2015. С. 51-77.
4. Каган В.Е. Homo Xenophobicus: психология «своего» и «чужого» // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 40-45.
5. Камышникова Т.Ф., Гросс А.А. Межэтническая толерантность как фактор политической стабильности: некоторые аспекты определения «своих» и «чужих» и несовпадение ментальных и географических границ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 4. С. 32-38.
6. Качмазова А.У., Тамерьян Т.Ю. Когнитивные механизмы этностереотипизации «своих» и «чужих» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 298-305.
7. Козырев Г.И. Истоки и причины негативной идентификации людей на «своих» и «чужих», на «друзей» и «врагов» // Союз. 2012. № 2. С. 69-71.
8. Колодина Н.И. Стереотипизация мышления как формирование когнитивного механизма распознавания объекта «свой» и «чужой» (психолингвистический аспект) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 245-254.
9. Косова О.А. Стереотипы речевого поведения как один из факторов категоризации мира (на основе бинарной оппозиции свой/чужой) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 97-105.
10. Кусайнова Г.С. Свои и чужие: стереотипы и репрезентации // Наука сегодня: задачи и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции. Вологда: Маркер, 2016. С. 150-152.
11. Кутковой Н.А. Социально-психологические особенности эмоции удивления: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2016. 24 с.
12. Матвеева А.А. О человеческом облике «своего» и зверином обличье «чужого» (на материале современного английского языка) // Казанская наука. 2013. № 3. С. 134-136.
13. Нехорошева А.М. Основные когнитивные механизмы формирования оппозиции «свой-чужой» // Когнитивные исследования языка. 2011. № 8. С. 131-134.
14. Пенькова В.Н. Отношение к «своим» и «чужим» в подростковом и раннем юношеском возрастах: Дис. ...канд. психол. наук. М., 2006. 188 с.
15. Полюянова А.И. Метафорические средства экспликации базовой оппозиции «свои»-«чужие» в политическом дискурсе США // Молодой учёный. 2014. № 12 (71). С. 427-430.
16. Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84-89.
17. Смирнова Д.В. «Свои» или «чужие»: политика «гастарбайтеризации» // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 31. С. 39-45.
18. Хлыщева Е.В. Мифология «свой-чужой» в гетеротопном пространстве общества потребления // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 15. № 3. С. 34-49.
19. Ширков Ю.Э. Стратегии самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих»: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 29 с.
20. Шитый В.П., Трушников В.И. Межэтнический конфликт как столкновение образов «свой» и «чужой»: социально-педагогический аспект // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 3. С. 205-207.
21. Cavicchiolo E., Alivernini F., Manganelli S. Immigrants are like... The representation of immigrants in Italy: The metaphors used by students and their family backgrounds [Gli immigrati sono come ... La rappresentazione degli immigrati in Italia: Le metafore degli studenti e il background familiare di provenienza] // Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies. 2016. № 13. P. 163-190.
22. Jamrozik A., McQuire M., Cardillo E.R., Chatterjee A. Metaphor: Bridging embodiment to abstraction // Psychonomic Bulletin and Review. 2016. P. 1-10 (article in press).
23. Pinelli E. The role of metaphor and metonymy in framing terrorism: The case of the Beslan school siege in the Russian media // Metaphor and the Social World. 2016. № 6 (1). P. 134-155.

References (transliterated):

1. Budanov A.V. Varvarizatsiya v prostranstve vzaimodeistviya «svoi»-«chuzhie» // Tsivilizatsiya i varvarstvo. 2014. № 3. S. 353-373.
2. Vislova A.D. Differentsiatsiya lyudei po printsipu «svoi-chuzhoi» v protsesse razvitiya lichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psikhologicheskie nauki. 2008. T. 2. № 1. S. 34-43.
3. Grishaeva L.I. «Svoi» i «Chuzhoi»: osmyslyaya zanovo uzhe poluchennyi rezul'tat // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Вып. 13. Voronezh, 2015. S. 51-77.
4. Kagan V.E. Homo Xenophobicus: psikhologiya «svoego» i «chuzhogo» // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2011. № 2 (6). S. 40-45.
5. Kamyshnikova T.F., Gross A.A. Mezhetnicheskaya tolerantnost' kak faktor politicheskoi stabil'nosti: nekotorye aspekty opredeleniya «svoikh» i «chuzhikh» i nesovpadenie mental'nykh i geograficheskikh granits // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2012. № 4. S. 32-38.
6. Kachmazova A.U., Tamer'yan T.Yu. Kognitivnye mekhanizmy etnostereotipizatsii «svoikh» i «chuzhikh» // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 298-305.
7. Kozыrev G.I. Istoki i prichiny negativnoi identifikatsii lyudei na «svoikh» i «chuzhikh», na «druzei» i «vragov» // Soyuz. 2012. № 2. S. 69-71.
8. Kolodina N.I. Stereotipizatsiya myshleniya kak formirovanie kognitivnogo mekhanizma raspoznavaniya ob'ekta «svoi» i «chuzhoi» (psikholingvisticheskii aspekt) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5. S. 245-254.

9. Kosova O.A. Stereotipy rechevogo povedeniya kak odin iz faktorov kategorizatsii mira (na osnove binarnoi oppozitsii svoi/ chuzhoi) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 4. S. 97-105.
10. Kusainova G.S. Svoi i chuzhie: stereotipy i reprezentatsii // Nauka segodnya: zadachi i puti ikh resheniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vologda: Marker, 2016. S. 150-152.
11. Kutkovoï N.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti emotsii udivleniya: Avtoref. dis... kand. psikhol. nauk. M., 2016. 24 s.
12. Matveeva A.A. O chelovecheskom oblike «svoego» i zverinom oblich'e «chuzhogo» (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka) // Kazanskaya nauka. 2013. № 3. S. 134-136.
13. Nekhorosheva A.M. Osnovnye kognitivnye mekhanizmy formirovaniya oppozitsii «svoi-chuzhoi» // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2011. № 8. S. 131-134.
14. Pen'kova V.N. Otnoshenie k «svoim» i «chuzhim» v podrostkovom i rannem yunosheskom vozrastakh: Dis. ...kand. psikhol. nauk. M., 2006. 188 s.
15. Poluyanova A.I. Metaforicheskie sredstva eksplikatsii bazovoi oppozitsii «svoi»-«chuzhie» v politicheskom diskurse SShA // Molodoi uchenyi. 2014. № 12 (71). S. 427-430.
16. Polyushkevich O.A. «Svoi» i «chuzhie»: sotsiokul'turnye markery // Diskussiya. 2011. № 5. S. 84-89.
17. Smirnova D.V. «Svoi» ili «chuzhie»: politika «gastarbaiterizatsii» // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. 2013. № 31. S. 39-45.
18. Khlyshcheva E.V. Mifologema «svoi-chuzhoi» v geterotopnom prostranstve obshchestva potrebleniya // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2015. T. 15. № 3. S. 34-49.
19. Shirkov Yu.E. Strategii samokategorizatsii v sisteme predstavlenii o «svoikh» i «chuzhikh»: Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. M., 2009. 29 s.
20. Shityi V.P., Trushnikova V.I. Mezhetnicheskii konflikt kak stolknovenie obrazov «svoi» i «chuzhoi»: sotsial'no-pedagogicheskii aspekt // Regional'noe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy. 2012. № 3. S. 205-207.
21. Cavicchiolo E., Alivernini F., Manganelli S. Immigrants are like... The representation of immigrants in Italy: The metaphors used by students and their family backgrounds [Gli immigrati sono come ... La rappresentazione degli immigrati in Italia: Le metafore degli studenti e il background familiare di provenienza] // Journal of Educational, Cultural and Psychological Studies. 2016. № 13. P. 163-190.
22. Jamrozik A., McQuire M., Cardillo E.R., Chatterjee A. Metaphor: Bridging embodiment to abstraction // Psychonomic Bulletin and Review. 2016. P. 1-10 (article in press).
23. Pinelli E. The role of metaphor and metonymy in framing terrorism: The case of the Beslan school siege in the Russian media // Metaphor and the Social World. 2016. № 6 (1). P. 134-155.